

БОЙКОТ В КЛАССЕ: ЧИСТОЕ «ЧУЧЕЛО»!

*РАССКАЗ КЛАССНОЙ
РУКОВОДИТЕЛЬНИЦЫ
ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ*

Записала
МАРИЯ ГАНЬКИНА

Бывает, что учителя сами провоцируют бойкот в классе, причём из самых, казалось бы, благородных побуждений. Как так получается?

Что ослепляет учителя настолько, что он нарушает не только профессиональную, но и человеческую этику? Уверены, что материалы этого раздела никого не оставят равнодушными. А кого-то предостерегут от «благих намерений», которыми известно куда вымощена дорога.

В моей практике был случай – чистое «Чучело»!

В тот год я была классным руководителем у 6 класса. Как-то раз мы с девочками – хорошие девочки, отличницы – рисовали газету к какому-то празднику. Ну и говорили за жизнь. И я так ненароком спросила, кто курит, кто не курит.

И они мне говорят про Аню (все имена в рассказе изменены – *Прим. ред.*), что она курит. А это девчонка такая, из ранних, у неё уже мальчишки были старше неё, на мотоциклах за ней приезжали...

Причём говорит председатель совета отряда Лена. Она с Аней дружит, поэтому её и выдала.

Ну, думаю, значит, курит – надо идти к Аниной матери. Неравнодушный я всегда была классный руководитель.

Вообще-то Лена не ябеда. Просто получилась так, что она проговорилась. Как-то я поумному подвела эту тему. Я просто нахрапом взяла: мол, я знаю, кто в нашем классе курит. Лена говорит: «Кто? Я, что ли?» Я говорю: «Нет, ты не куришь. Но я знаю, кто. Кое-кто из твоих близких подруг». И она называет Аню. А потом: «Ой, ой, Зинаида Витальевна, не говорите». И я ей пообещала.

Пошла я к Аниной матери. Вот так всегда: родители считают, что их дети – ангелы. Начинаешь говорить:

– Ваша девочка курит, я знаю, я видела.

– Да вы что?! Моя дочь курит?! Не может быть! Я не курю, отец не курит...

Вот и с этой мамой также: «Не может быть. Я сейчас её позову».

Мама: «Зинаида Витальевна говорит, что ты куришь». Аня отпирается.

Я говорю: «Слушай, мне сказали, что ты куришь». «Нет, я не курю». Но в конце концов всё-таки создалась.

Потом она у этой Лены, которая проговорилась, спросила: «Интересно, откуда Зина узнала, что я курю?» Лена говорит: «Мне кажется, что это ей Максим сказал. Помнишь, мы стояли за школой, а он где-то там рядом околачивался». А Максим – это мой сын. И он никогда никого не закладывал...

И вот приходит как-то Максим домой, смотрю – а у него вот такой фингал под глазом. «Да это я упал», – говорит. Я стала расследовать, откуда у него синяк.

Есть у нас в классе три девочки, у меня с ними очень хорошие отношения сложились. Мы до сих пор дружим. И вот одна из них, Ирина, мне говорит: «Зинаида Ви-

тальяна, а вы что, не знаете? Его возле школы избили».

Выяснилось, что приехали к Ане два парня на мотоциклах, вызвали Максима и говорят:

– Мы тебя сейчас будем бить.

– За что?

– За Аню.

А Максим однажды принёс из дому бинокль и давал посмотреть только избранным. А Ане он посмотреть в бинокль не дал. И он подумал, что они его бьют за тот случай.

Обычно, когда вмешиваешься, ещё хуже получается. Но тут я уже не как классный руководитель, а как мать ринулась разбираться. Но выбора не было, Максима бы заклевали. И очень хорошо всё это разрулилось.

От Иры я узнала, что Лена подговаривала класс объявить бойкот Максиму за то, что он якобы заложил Аню. Самое страшное, что её послушали и действительно объявили бойкот.

Потом мы с сыном посмотрели «Чучело» – фильм только на экраны вышел. Тогда это было как взрыв: советские дети – и вдруг такие жестокие и подлые! Ведь некоторые не верили, что такое бывает в жизни. А это с моим сыном случилось!

Потом я Лену вызвала и говорю: «Ну зачем надо было Максима сюда впутывать? Неужели ты

не понимаешь, что ты подлость совершила?» И ведь даже не в том подлость была, что она подругу заложила (это в общем-то случайно вышло), а в том, что она знала, что Максима бьют ни за что. Ведь она могла сказать, что это не он.

Она расплакалась, конечно, и говорит: «Я не подговаривала класс объявлять бойкот».

Я сказала всей своей троице: «Девочки, вот если мы соберем классный час, вы подтвердите, что Лена подставила Максима?»

Они мнутя.

Потом Ирина мне говорит: «Я подтвержу».

Это означало, что и против неё могут всех настроить. А она была девчонка с обострённым чувством справедливости.

Все собрались. И вот я говорю Лене: «Ты говорила, что наябедничал Максим. Ты же прекрасно знаешь, что это не так. Наберись мужества, скажи правду». Она молчит.

Я спрашиваю: «Ребята, кто слышал, что она это говорила?»

И вот, помню, встаёт эта моя Ирина маленькая и говорит: «Ты,

Лена, это говорила. Я слышала». И ещё три человека встали и сказали, что это от неё слышали. И они не потому на это решились, что я классный руководитель и что-то для них сделаю. Одна как имела свою тройку, так и имела. А другая как имела без меня пятерку, так и имела.

И Лена потом созналась, что это сказала она. И потом просила у Максима прощения.

Мама Лены, которая говорила, что я травлю её ребенка, пришла потом ко мне и сказала: «Извините, Зинаида Витальевна, я была не права, я плохо знала свою дочь».

И я подумала, что в следующий раз она остережётся сделать подлость. Она ведь не просто струсилась – это ладно, я понимаю. Но она перевела стрелки на другого. Началось-то всё с того, что она нечаянно заложила Аню. А потом сама же и испугалась.

Мы потом с ней разговаривали, и она призналась: боялась, что потеряет крутую подружку. Мол, у неё такие крутые друзья, и я тоже с ними хотела дружить, с этими мальчиками на мотоциклах...